

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 808.2-3

Л.И. Горбунова

В ПОИСКАХ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Описаны концепции структуры значения самостоятельных слов и релятивных единиц языка, классифицированы типы информации, лежащие в основе значения языкового знака. Обнаружены точки пересечения различных теорий. Обоснована необходимость введения в семантическое описание терминов «когнитивный образ ситуации» и «прототипическая ситуация».

Ключевые слова: структура языкового значения; когнитивный образ ситуации; прототипическая ситуация; предлог; приставка.

Соотношение между значением языковой единицы и обозначаемым ею фрагментом действительности уже в течение многих лет привлекает внимание лингвистов, но этот вопрос вряд ли можно считать до конца решенным. Несомненно, что большая часть значимых единиц языка соотносится с окружающим миром, однако то, какая информация о нем формирует значение знака, является до сих пор дискуссионным, да и сами термины, обозначающие компоненты этой информации, также существенно варьируются.

Эта сторона вопроса наиболее разработана в теоретическом плане в отношении знаменательного слова. Обозначим те решения, которые к данному моменту считаются классическими и лежат в основании современных семантических концепций.

В лингвистической семантике 1940–1950-х гг. XX в. продуктивной явилась мысль о том, что план содержания языкового знака так же, как и план выражения, членится на фигуры [1], которые в дальнейшем получили названия **семы** (Д.Н. Шмелев), **элементарные смыслы** (Ю.Д. Апресян), **семантические множители** (А.К. Жолковский, И.А. Мельчук), **семантические примитивы** (А. Вежбицкая). Методику выявления элементов, составляющих значение единицы, стали называть компонентным анализом (см., например: [2, 3]). В ходе проведения компонентного анализа было обнаружено, что в значение слова входит информация о дифференциальных признаках, которые помогают отличить друг от друга объекты, входящие в один класс [4, 5]. Основным способом выявления этих признаков является изучение лексических оппозиций. Далее представление о компонентной структуре значения было дополнено понятием об интегральных признаках, на основании которых объекты включаются в класс [6–8].

В связи с изучением многозначности стало ясно, что для функционирования слова важна и та информация, которая не отражается его исходным значением. О.Н. Селиверстова анализирует определение значения, данное Ю.Д. Апресяном: «Под семантикой в большинстве случаев понимаются сведения о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или о классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений» [9. С. 56]. Понятно, что приведенное толкование значения представляет собой фактически иную формулировку определения значения как отображения класса вещей, явлений и т.д. в сознании, и является верным, но недостаточным [10. С. 36]. Из-за осознания

этой недостаточности в связи со значением слова стали рассматривать признаки, названные **ассоциативными** [10], **потенциальными** [11], причем квалифицировались эти признаки как несущественные [13]. В результате значение слова было представлено как определенным образом организованная структура, состоящая из семантических признаков разного уровня значимости.

К терминам, называющим информацию, играющую роль в формировании семантической структуры слова, но не отражаемую словом в его исходном значении, позже добавились следующие: **фоновые знания** [13], **онтологические импликатуры** [14], **коннотации** [9, 12].

Как показывает анализ, в употреблении данных терминов есть две характерные черты: во-первых, одним термином называется информация разного рода, во-вторых, объем понятий, названных разными терминами, существенно пересекается. В работе [15] предлагается упорядочить ситуацию и разграничить типы информации, не связанной непосредственно с отражением объекта, но важной для функционирования слова: компоненты, мотивированные объективной действительностью (признак ‘монотонность звука’ у ситуации *пилишь*, признак ‘тяжесть’ у *горы*), предлагается называть **фоновое знание**, а не мотивированные логически, ассоциативные – **коннотации** (признак ‘глупость’ у *осла*, ‘неотесанность, грубость, неопрятность’ у *свины*).

Итак, семантика приходит к выводам: 1) значение слова отражает не все свойства объекта; 2) для формирования семантической структуры слова имеет значение несколько типов информации:

- информация о самом номинируемом объекте, отражаемая исходным значением слова;
- информация о свойствах объекта, не отражаемая исходным значением слова;
- объективная информация о ситуации, в которой обычно функционирует объект;
- информация об ассоциациях, регулярно возникающих у носителя языка в связи с объектом.

Обозначившийся в последние десятилетия интерес лингвистики к значениям служебных единиц стал вполне закономерным. Во-первых, он был обусловлен хорошо осознаваемой всеми спецификой значения релятивных единиц языка, в том числе предлогов. Во-вторых, обращение к релятивным единицам было необходимо для проверки уже имевшихся выводов о природе языкового значения. Исследования семантики этой группы единиц обнаружили неполноту лингвистической теории, необходимость ее уточнения.

Несмотря на то что семантическое описание служебных единиц шло как будто бы совершенно своеобразным путем, что не обнаруживает абсолютно никаких терминологических пересечений с работами о самостоятельных словах, содержательно эволюция представлений о значении локативных служебных единиц включает те же этапы, что и развитие концепций, касающихся самостоятельных слов (см. более подробно обзоры: [16–21]).

На первом этапе лингвисты пытаются выявить те компоненты значения, которые соотносятся с окружающей действительностью, т.е. визуально воспринимаемые признаки локативной ситуации, отражаемые в значении предлога. Указанная задача решается в работах, написанных в рамках так называемого геометрического подхода. У истоков данного направления лежат труды Дж. Лакоффа [22], и Р. Лангакера [23], согласно которым семантику предлога предопределяет визуально воспринимаемый образ. Семантическое развитие предлога есть переход от конкретного к абстрактному, от отражения совокупности перцептуальных, видимых признаков к более сложному концепту, структура которого определяется базовым пространственным представлением, соотносится с ним.

В исследованиях отечественных лингвистов, работавших в рамках этого направления, для каждого предлога устанавливался набор пространственных (геометрических) характеристик: мерность, длина/ширина, высота. Фактически авторы производили компонентный анализ значения предлогов на основе внутрипарадигматических оппозиций, а значение представляли как набор **элементарных смысловых отношений** [21. С. 724–727; 24; 25]. Типичной теоретической установкой работ такого рода является следующая: «Выявление членов оппозиции проводилось по определенному основанию, по отношению к которому выделялись семантические дифференциальные признаки членов оппозиции – *семы*» [26. С. 9].

Однако данные исследования не позволяют выявить специфику значения отдельных предлогов, «упрощенная система бинарных оппозиций не исчерпывает всей сложности пространственных представлений, передаваемых предлогами и наречиями, и не позволяет выявить индивидуальные пространственные значения отдельных единиц» [21. С. 727].

Отчасти этот пробел удастся устранить в исследованиях функционального направления. Функциональный подход придает первоочередное значение специфике использования объектов, которые названы словами, выступающими в качестве контекста для предлога. Здесь релевантным для употребления языковой единицы является то, какую функциональную нагрузку несет объект: содержащее/содержимое, носитель/носимый. Геометрические и топологические свойства объектов, учитываемые при описании, интерпретируются как следствие функциональных характеристик [24, 27] (см. о значимости функционального типа при употреблении имен [28]). Но все же следует отметить, что при несомненной важности функциональных отношений между объектами далеко не всегда именно они являются решающими при выборе средства номинации пространственных отношений, что доказано, например, в [29].

Наряду с работами, в которых значения предлогов описываются с позиции чистой лингвистики, т.е. выявляются внутрилингвистические семантические отношения, значительное место в изучении локативных единиц занимают исследования, относящиеся к когнитивному направлению.

В подобных работах предпринимаются попытки обнаружить компоненты, содержащиеся в семантике пространственных предлогов, значимые для пространственного мышления. Акцент в такого рода исследованиях делается не на значении предлога, а на описании пространственных категорий и их места в лингво-когнитивной системе [30, 31]. Предлог здесь является материалом, фиксирующим и эксплицирующим результаты когнитивной деятельности. Авторы изучают процессы формирования пространственных конфигураций при ориентации одного объекта (фигуры) относительно другого (фона) и то, как соотносятся пространственные характеристики объекта (подвижность/неподвижность, размер) и его способность играть роль фона и фигуры. Пространственные понятия, связанные с конкретным объектом, могут стать причиной невозможности высказываний некоторого типа, например **Дом около велосипеда*. Исследуются те пространственные представления, в терминах которых осмысляются денотативные ситуации перед тем, как получить номинацию. Важным также считается понятие «лингво-культурного предвыбора», который определяет способ концептуализации объекта как, например, поверхности (*на воде*), трехмерного объекта (*в воде*) [32–35].

Совершенно очевидно, что эволюция взглядов на значение предлога фактически привела к результатам, аналогичным тем, что были достигнуты при описании значений самостоятельных единиц.

1. Значение предлога избирательно фиксирует информацию о ситуации.

2. Для функционирования предлога важна не только объективная информация о визуально воспринимаемых признаках ситуации, но и информация, прямо не относящаяся к денотативной ситуации: о функциональных признаках объектов, участвующих в ситуации, об их концептуализации.

Итак, следует отметить, что к настоящему времени в лингвистике отчетливо сформировались две различные терминологические парадигмы. Можно говорить, что сложилась ситуация, когда описание семантики самостоятельных и служебных единиц идет параллельно. Вероятно, в таком положении дел нет ничего неестественного, поскольку эти традиционно выделяемые группы языковых единиц действительно очень специфичны. Однако лингвистика не отказалась от попыток найти универсальный способ описания значения языковой единицы и основ полисемии, тем более что выводы, полученные в рамках разных научных традиций, при отсутствии терминологических совпадений имеют очень похожее содержание. В некоторых современных работах предпринимается попытка с одних и тех же теоретических позиций подойти к изучению единиц разных классов (глаголов, прилагательного *тяжелый* и предлога *на* в [36], глаголов, предлогов и наречий в [21]).

Как представляется, на такую универсальность могут претендовать некоторые концепции, предложенные отечественной семантикой.

В разработке проблем семантики языковой единицы отечественная наука базируется на нескольких фундаментальных положениях, которые и позволили достичь весомых результатов в познании природы языкового значения.

Вне зависимости от того, причисляют ли себя авторы к когнитивному направлению или считают проблемы, решаемые в их работах, чисто лингвистическими, основную задачу исследования они видят в определении содержания концептов, выражаемых языковой единицей. «Весь смысл когнитивного похода и заключается – с точки зрения этого подхода – в постоянном соотношении разных форматов знания с языковыми формами, их объективирующими. При этом само направление анализа может меняться. Иначе говоря, у разных исследователей в фокусе внимания могут находиться либо вопросы о том, какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами (т.е. каковы когнитивные основания этих форм), либо вопросы о том, с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [37. С. 5].

В отечественной семантике плодотворным образом были синтезированы достижения структурной и когнитивной лингвистики. К необходимости «рассмотреть не только отношения между знаками как элементами системы, но и отношения между знаками и теми объектами и ситуациями, которые они способны обозначать в речи» [21. С. 745], представители российской науки приходят в результате тщательного изучения тех элементов смысла, которые влияют на использование знака. Скрупулезный анализ позволил сделать вывод о том, что для функционирования языковой единицы важна не только ее семантика, но и такие нелингвистические категории, как фоновое знание (информация не о самом объекте, а об условиях его функционирования, использования, взаимодействия с человеком, т.е. о ситуациях, в которых обычно присутствует объект, знание, извлекаемое из анализа объективной действительности), коннотации (субъективная информация – устойчивые ассоциации, связанные в данном языковом коллективе с данным объектом), концептуализация.

«Под процессом концептуализации понимается определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент представляет – и вот эти представления как раз и называются концептуализациями» [28. С. 10]. Концептуализация проявляется в интерпретирующей деятельности носителя языка и закрепляется в функционировании языковых единиц. Прежде всего концептуализация состоит в отборе тех фактов действительности, которые подлежат номинации. «Например, в русском языке нет специального предлога, описывающего движение типа «вниз – вверх» [35. С. 115. См. также 38. С. 12–13]. Язык уже самой номенклатурой своих единиц производит концептуализацию действительности, классифицируя фрагменты окружающего мира как значимые для языкового коллектива и номинируемые языком и незначимые.

К концептуализации относится также отбор тех свойств объекта, ситуации, которые учитываются при

номинации, «поскольку важными оказываются разные стороны предмета, названного этим именем» [26. С. 17]. Например, при номинации ситуации с использованием префикса *внутри-* (*внутрикомнатная электропроводка, внутрисалонный светильник*) адресат получает информацию только о том, что *У* находится в границах *Х*. Но с помощью приставки *внутри-* не удастся описать то, как далеко от границ *Х* находится *У*, изменится ли его локализация по отношению к границам *Х*.

Концептуализацией называется и отнесение объекта к определенному топологическому типу (вертикальная или горизонтальная плоскость, трехмерный объект, точка), соотношение с определенными пространственными категориями (граница, окрестность). Например, в прилагательном *подземный* земля концептуализируется как плоскость, в *сквозьземный* – как объект, имеющий толщину, а в *внутриземный* – как вместилище, объект, имеющий границы, внешнюю и внутреннюю области.

Можно сказать, что концептуализация – это отбор и интерпретация фактов действительности, подлежащих номинации. Результаты концептуализации складываются в языковую картину мира, закрепленную единицами языка [39]. Учет понятия **языковая картина мира** характерен для всей отечественной семантики.

Справедливо будет сказать, что отечественная семантика является когнитивной по целям, а не по методам исследования. При этом важнейшей является установка, что о когнитивной стороне языковой деятельности, о содержании языковой картины мира мы можем судить только на основании функционирования единиц языка. Особенностью работ, написанных в русле этого направления лингвистики, является то, что выводы об антропоцентричности языка, о фундаментальности представлений о языковой картине мира, о том, что языковой знак отражает не объект, а его образ, не являются исходными для лингвистического исследования, а следуют из тщательного изучения значения языковой единицы и ее функционирования. Характерным является следующее высказывание: «При семантическом анализе исследователь имеет дело именно с речью: он должен вывести значение из наблюдаемых фактов употребления» [21. С. 35]. Так, для того чтобы выявить компоненты денотативной ситуации, отражаемые локативной адъективной приставкой, нами проведен анализ сочетаемости префикса. Например, префиксы *вдоль-* и *по-* сочетаются только с именами линейно протяженных объектов (*поволжский район, пограничная полоса, вдольпротуарная колея, вдоль-фронтальная трасса*), приставка *при-* – с именами объектов разной формы и мерности (*прирельсовая насыпь, приземные испарения, пригородный лес*). Следовательно, в значение первых двух приставок информация о типе объекта входит, а в значение приставки *при-* – нет, что отражается в базовом значении префиксов *вдоль-*, *по-* '**по всей длине X**', *при-* '**в зоне, прилегающей к X**'.

Данный подход является, с одной стороны, результатом взаимодействия с зарубежными теориями (см. об этом в [28]), но в большей мере обусловлен внутренними закономерностями развития отечественной лингвистики, которая прошла путь от формально-описательных исследований к объяснительным.

В целом ряде современных работ исходным теоретическим постулатом в представлении семантики единицы языка является гипотеза о том, что в основе языкового значения лежит когнитивный образ экстралингвистической ситуации. Однако сама идея использования надязыковых конструкторов для описания значений языка не является безоговорочно принятой в отечественной лингвистике. Например, Е.В. Падучева пишет: «Наш опыт показывает, что можно продвинуться достаточно далеко, не вводя этого дополнительного (надязыкового, когнитивного, глубинного) уровня представления лексического значения: как правило, все регулярные дериваты можно исчислить преобразованием одного из значений, принятого за исходное» [13. С. 16]. В то же время имеется большое количество исследований, в которых авторы приходят к выводу, что особенно при метафорической мотивации все-таки не обойтись без учета экстралингвистической, в том числе когнитивной, информации, не содержащейся в исходном значении [40–44].

Г.И. Кустова [36] при изучении семантики языковых единиц использует термин **прототипическая ситуация**. Как представляется, введение данного термина позволяет избежать некоторых теоретических трудностей. Под прототипической ситуацией автор понимает когнитивную модель ситуации, с которой связано базовое значение языковой единицы. Успешно применяемый при описании эмпирического материала, данный термин требует более подробной разработки понятийного аппарата, в том числе уточнения понятий **ситуация**, **прототип**, классификации типов информации, входящей в когнитивный образ ситуации, определения процедуры выявления его компонентов.

Основываясь на предварительных исследованиях материала и логике развития семантики, считаем необходимым разграничить разные типы информации, составляющей прототипическую ситуацию. Во-первых, это перцептуальный компонент, т.е. информация о тех визуально воспринимаемых сторонах ситуации, которые составляют когнитивный образ. Следует отметить, что в перцептуальную составляющую прототипической ситуации входит информация не обо всех визуально воспринимаемых признаках денотативной ситуации, поскольку прототипическая ситуация – это не сама ситуация, а ее когнитивный образ. Например, в прототипической ситуации, отражаемой базовым значением адъективной приставки *меж-*, очень избирательно отражаются признаки локативной ситуации. Как показал анализ, в качестве ориентира здесь могут выступать объекты разного размера (*межпланетное путешествие*, *межконтинентальный пролив* – *межмышечная прослойка*, *межмолекулярное расстояние*), концептуализированные как плоскости (*межостровной паром*, *межтерриториальное перемещение*), линии (*междустропное расстояние*, *междурядный сорняк*), трехмерные объекты (*межгорная долина*, *междуселенные земли*). Взаимное расположение локализуемых объектов наблюдается как по горизонтали (*межматериковое море*, *межъярусная фурнитура*), так и по вертикали (*межзубное расположение языка*, *межмерзлотный слой*). Таким образом, прототипическая межситуация нетребовательна к типу объекта, выступаю-

щего в качестве локализатора и во многом к типу локализации. Единственное требование к объектам-локализаторам – они обязательно однородны и находятся на некотором расстоянии друг от друга.

Второй тип информации, составляющий прототипическую ситуацию, представлен концептуальным компонентом. В концептуальный компонент входит информация, являющаяся следствием: 1) изучения причинно-следственных связей, имеющихся в окружающей действительности; 2) интерпретации, ценностного осмысления некоторых перцептуальных признаков локативной ситуации. Например, для всех прототипических ситуаций, лежащих в основе локативных значений адъективных приставок, характерно, что локализатор концептуализируется как центральный элемент пространственной конфигурации, он задает параметры зоны расположения локализуемого объекта, в том числе и количественные. Данная концептуальная составляющая не отражается базовым пространственным значением приставки, но лежит в основе количественных значений префиксов (*надкалиберный размер*, *субкритический уровень*, *околоультразвуковой диапазон*).

Концептуальная составляющая наряду с перцептуальным компонентом прототипической ситуации играет важнейшую роль в функционировании единиц языка, позволяет удовлетворительно объяснить появление любого из значений многозначной единицы. Как представляется, введение в семантическое описание представления о концептуальном компоненте снимает теоретическую трудность представления полисеманта как единства.

Признание прототипной организации когнитивного образа ситуации, лежащего в основе базового значения языковой единицы, дает возможность установить когнитивную основу для отождествления контекстных вариантов одной единицы и избежать теоретических трудностей при поиске элемента, объединяющего все такие употребления в рамках одного значения. Прототипное устройство обуславливает то, что бесконечное количество реальных локативных ситуаций, представленных разнообразными объектами, находящимися в различных пространственных отношениях, подводится под один топологический тип за счет осмысления их в одних и тех же пространственных понятиях. Так, базовое значение приставки *над-* – ‘**выше X**’ (*надкрылечный козырек*, *надшахтный террикон*). По отношению к объектам, концептуализированным как горизонтальная плоскость, как горизонтально расположенный объект с видимой горизонтальной поверхностью или как горизонтальная линия, приставка выражает значение ‘**выше поверхности X**’ (*подкнижная шпаргалка*, *надплитный духовой шкаф*, *надгоризонтальное наблюдение*). Если локализатор концептуализирован как вертикальная плоскость, то приставка используется в значении ‘**у верхнего края X**’ (*надбратная икона*), если как объект, имеющий наружную и внутреннюю стороны, – в значении ‘**с наружной стороны X**’ (*наджаберная крышка*, *надхрящевой склероз*). По отношению ко всем указанным типам денотативных ситуаций мы наблюдаем, что ведущим признаком, позволяющим включить ситуацию в данный класс, является категория ‘верх’, которая также имеет прототипную организацию, центр ее соотносится с топологически-

гравитационным представлением, а на периферии находятся 'верхняя граница', 'наружная сторона' и т.д. При этом обнаруживается, что классификация денотативных ситуаций происходит не только и не столько на основании реальных признаков, которыми эти ситуации обладают, сколько на основе осмысления их человеком. Это осмысление и закреплено в прототипической ситуации – когнитивном образе определенного класса реальных ситуаций. Интерпретация позиции выше **X** происходит в конкретной ситуации в зависимости от свойств локализатора и локализуемого объекта, говорящий подводит все эти разные в перцептуальном смысле ситуации под один тип, который выделяется на основе актуализации категории 'верх': '**У** находится выше **X**'. Поэтому все конкретные значения, которые приобретает префикс в подобных случаях, следует признавать вариантами одного значения. Основой отождествления всех вариантов прототипической ситуации и текстовых реализаций базового значения приставки выступает подведение разных денотативных ситуаций под один топологический тип.

Характер прототипической ситуации (количество и качество компонентов, входящих в нее) обуславливает семантическую структуру языковой единицы. В прототипической ситуации заложен ее семантический потенциал, который проявляется в возможности использовать данную единицу в качестве средства номинации новых пространственных отношений или выражения отношений в нелокативной области. Сходство и различия в наборе компонентов прототипических ситуаций, соотносимых с разными единицами, – основной фактор, определяющий специфику их значения и функционирования. Например, базовое значение приставок *вокруг-* и *около-* отражает сходные прототипические ситуации '**У** находится в зоне, окружающей **X**'. Однако в содержание прототипической *вокруг-* ситуации входит информация о степени заполнения этой зоны ('**У** окружает **X** со всех сторон'), а в содержание *около-* ситуации не входит, поэтому *около-* способна называть не только расположение **У**, со всех сторон окружающего **X**, как *вокруг-*, а еще и расположение в любой точке или фрагменте зоны, окружающей **X**, без обязательного для *вокруг-* ситуации полного охвата зоны **X**. Поэтому при необходимости номинировать локализацию **У**, полностью занимающего зону, примыкающую к **X** со всех сторон, приставки *вокруг-* и *около-* выступают как синонимы (*околопланетная/вокругпланетная орбита*). Если же имеют место другие варианты расположения **У**, то из двух названных используется только приставка *около-* при невозможности замены на *вокруг-* (*околомосковский/*вокругмосковский коттеджный оселок, околонионный/*вокругнионный стол, околосуперкомпьютерный кактус, околосолнечная слюнная железа, околосолнечная звезда*).

Набор компонентов прототипической ситуации предопределяет и набор значений, составляющих семантическую структуру префикса, и ее специфику. Например, в семантической структуре адъективной приставки *по-* прослеживается достаточно полное использование потенциала, основанного на актуализации признаков прототипической ситуации: однотипная локализация множественных однородных объектов относи-

тельно **X** (*пограничные столбы*); возможность назвать расположение одного из этих множественных объектов (*пограничный столб*). Сама потенция использования приставки *по-* в значении '**относящийся к каждому X**' (*покадровый сценарий, покомнатное расселение, поворотное обучение*) заложена в прототипической ситуации и в возможности ее переосмысления. Прототипическая ситуация предполагает, в том числе, множественность однородных объектов. Однотипность их локализации в зоне, определенной **X**, т.е. одинаковые локативные отношения с **X**, осознаются как просто одинаковое отношение. При использовании приставки в значении '**во время X**' (*пожизненная пенсия*) актуализируется важнейший признак прототипической ситуации – локализация **У** на всем протяжении **X**. Пространственная протяженность осмысливается как временная, что поддерживается включенной в прототипическую ситуацию идеей трассы.

Различия в наборе производных значений также объясняются различиями в компонентах прототипических ситуаций. Приставка *за-* имеет значение '**за пределами X**' (*защитный сотрудник, затактный аккорд*), которое появляется на основе концептуальной составляющей прототипической ситуации. Область *за X* концептуализируется как чужая, неосвоенная. Отсутствие концептуальной составляющей у приставки *пред-* объясняет отсутствие подобного или антонимичного значения.

Концептуальная информация, входящая в прототипическую ситуацию, играет существенную роль в функционировании единицы. Например, темпоральные значения в семантической структуре приставок *пред-*, *по-* возникают на основе концептуальной составляющей 'трасса'. Также компонент 'трасса' лежит в основе производных значений приставок *меж-* (*между-*), *транс-*, *интер-* '**общий для нескольких X**'.

Наличие в прототипической ситуации сходной концептуальной информации может стать условием синонимизации префиксов, отражающих разные типы локализации, различающиеся в перцептуальном аспекте. Например, именно концептуализация локализатора как объекта, задающего характеристики всей пространственной конфигурации, как носителя точки отсчета позволяет ряду префиксов выражать качественные и количественные значения, при этом их базовые значения отражают разные прототипические ситуации: *под-*, *над-*, *суб-* – локализацию выше/ниже **X**, *около-*, *при-* – в зоне **X**. Значение '**общий для нескольких X**' возникает на основе эксплуатации признака 'трасса' у префиксов, называющих локализацию в интервале между несколькими **X** (*меж-*, *интер-*: *межобластной суд, интернациональный орган*) и пересечение **X** (*транс-*: *трансатлантический банк*).

Таким образом, прототипическая ситуация является тем основным фактором, который позволяет организовывать различные значения префикса в единую систему, использовать префикс для номинации различных типов отношений в разных сферах. Введение в семантическое описание терминов **когнитивный образ ситуации** и **прототипическая ситуация** представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет обнаружить основу отождествления контекстных вариантов одного значения, установить единую основу семантической структу-

ры единиц разных языковых уровней и с единых теоретических позиций описать механизм возникновения новых значений языковой единицы, представив значение

языковой единицы как радиальную структуру, организованную вокруг когнитивного образа локативной ситуации (прототипической ситуации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 215–262.
2. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 294–358.
3. Трубочев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 3–14.
4. Шмелев Д.Н. Об анализе семантической структуры слова // Zeichen und System der Sprache. Bd. 3. Berlin, 1966.
5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
6. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI Междунар. съезд славистов (Прага, авг. 1968 г.): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 162–186.
7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
8. Найда Ю.А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 31–37.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика. М., 1995.
10. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
11. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики: Сб. ст. М., 1972. С. 367–395.
12. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
14. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
15. Баширицева О.А. Признаки денотата. Фоновые знания. Коннотации (к вопросу о разграничении терминов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 79–84.
16. Рахилина Е.В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка: язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М., 1997. С. 144–150.
17. Рахилина Е.В. Семантика отыменных прилагательных // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998. С. 298–304.
18. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68–78.
19. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–370.
20. Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 12–54.
21. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
22. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996. С. 143–184.
23. Langaker R. Space Grammar, Analysability and English Passiv // Language. 1982. Vol. 58, № 1.
24. Леонтьева Н.Н., Никитина С.Е. Смысловые отношения, передаваемые русскими предлогами // Slavica IX. Debrecen, 1969. P. 15–63.
25. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений // Язык и человек: Сб. ст. памяти П.С. Кузнецова. М., 1970. С. 110–156.
26. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
27. Garrod S.C., Sanford A.J. Discourse models as interfaces between language and spatial word // Journal of Semantics. 1988. № 6. P. 147–160.
28. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2000. Т. 59, № 3. С. 3–15.
29. Мальяр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика пространственных предлогов и наречий // Сборник научных трудов МГЛУ. М., 1994. Вып. 427. С. 62–76.
30. Talmy L. How language structures space // Pick H.L., Acredolo Jr. Spatial Orientation: Theory, Research, and Application. N.Y., 1983. P. 225–282.
31. Jackendoff R., Landau B. Spatial Language and Spatial Cognition / Ed. by D. Napoli. Bridges between Psychology and Linguistics: A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman. Hillsdale, New Jersey, 1991. P. 145–169.
32. Лабов У. Структура денотативного значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 133–176.
33. Мальяр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Мюнхен, 1998.
34. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. СЛЯ. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.
35. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 115–133.
36. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
37. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1 (018). С. 5–12.
38. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
39. Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 70–86.
40. Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике 26–28 сентября 2006 г.: Сб. материалов. Тамбов, 2006. С. 34–39.
41. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2000. С. 289–298.
42. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
43. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. М., 2000.
44. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М., 2000.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 декабря 2010 г.